

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Легенда. Александр Иванович Герцен

De l "Purgatorio" [Был - и нет его... Не останется навсегда без преемника...
из/чистилища"
(итал.)] (Посвящено сестре Наташе)

I

"яко же ограби миру быхом, всем попрание доселе..." К коринф. I посл., гл. IV
Несколько месяцев тюрьмы, несколько месяцев без открытого неба, без чистого
воздуха. Тюрьма не есть уединение, чувство, что человек выброшен из общества,
отрешен от всех его условий, - давит, душа сосредоточивается, занимает
наименьшее пространство, уменьшается. Томно шло время и однообразно до крайней
степени, сутки потеряли свое измерение, все 24 часа превратились в одну тяжелую
серую массу, в один осенний вечер; из моего окна видны были казармы, длинные,
бесконечные казармы, и над ними голубая полоса неба, изрезанная трубами и
обесцвеченная дымом. Наконец потребность воздуха, солнца, неба превратилась в
болезнь, в тоску. - Мне позволили гулять. С каким искренним удовольствием вышел
я на печальный двор, отсюду обставленный солдатами, чистый, плоский,
выметенный, без травы, без зелени; правда, по углам стояли деревья, но они были
печальны, мертвые листья падали с них, и они казались мне то потерянными бедными
узниками, грустящими, оторванными от родных лесов, то часовыми, которые без
смены стерегут заключенных. Удовольствие мое тускло, темнело; к этому
прибавилась еще причина; кто не был в тюрьме, тот вряд ли поймет чувство, с
которым узник смотрит на своих провожатых, которые смотрят на него, как на
дикого зверя, - Я хотел уже возвратиться в свою маленькую горницу, хотел опять
ышать ее сырым, каменным воздухом и с какою-то ненавистью видел, что и это
удовольствие, к которому я так долго приготовлялся, отравлено, как вдруг мне
попалась на глаза беседка на краю ограды. "Можно идти туда?" - "Я думаю", -
отвечал офицер после некоторого молчания; я взошел, и чуть крик восторга не
вырвался из моей груди: пространство более нежели на двадцать верст раскрывалось
внезапно, нечаянно.

Кто не знает чувствований, с которыми смотрит человек вдали с горы? Я сам часто
испытывал их; но тут явилось что-то новое в моей груди, сжатой каменными
стенами, - в груди колодника...

Вся Москва, весь этот огромный, пестрый гигант, распростертый на сорок верст,
блестящий своею чешуею, вся эта необъятная, узорчатая друзья кристаллов,
неправильно осевшихся. Я всматривался в каждую часть города, в каждой груде
камней находил знакомого, приятеля, которого давно не видал... Вот Кремль, вот
Воспитательный дом, вот крыша театра, вот такая-то церковь...
Осеннее солнце, "как итальянская луна", не ослепляло; полосами была Москва
наводнена его светом, полосами была темна, и эти полосы перебегали: Москва,
казалось, то улыбается, то браздит морщинами чело свое. Вся московская жизнь
представлялась мне ярко, живо, со всей пустотой шумливостью и деятельностью без
цели; я почти знал, что делается вот под этой зеленою крышею большого дома, на
который Москва не позволяет дунуть ветру, и под дощатым навесом этой хижины,
которую Москва толкает в реку. Вспомнилась прошедшая жизнь. И святые минуты
чистых восторгов, и буйные вакханалии, и немая боль скуки, и ядовитые объятия
разврата - все, все виднелось мне из кирпичных масс.

Не знаю, долго ли бы простоял я тут или долго ли бы мне позволили простоять. Но
раздался густой, протяжный, одинокий звук колокола с другой стороны; звук
колокола заставляет трепетать; он слишком силен для человеческого уха, слишком
силен для сердца; в нем есть доля угрозы совести и печальный упрек; он зовет,
но не просит; он напоминает о небе, но пренебрегает землею.

Доселе я не обращал внимания на другую сторону, Москва поглотила меня. Страшный
звук меди среди этой тишины заставил обернуться - все переменилось. Печальный,
уединенный Симонов монастырь, с черными крышами, как на гробах, с мрачными
стенами, стоял на обширном поле, небольшая река тихо обвивала его, не имея сил
подвинуть несколько остановившихся барок; кое-где курились огоньки, и около них
лежали мужики, голодные, усталые, измокшие, и голос меди вырывался из гортани
монастыря.

Как не похож Симонов монастырь, заключенный со всех сторон в ограды, на Москву,
раскрытую со всех сторон; в нем было столько тишины и спокойствия, столько
святого и поэтического. Печален вид его, и грустен его колокол, но он знал
лучшие времена, он был знаменит и славен, торжественно звал его колокол тогда;
теперь, ежели б не напомнил о себе, может быть, я не заметил бы его. Старинная

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
архитектура указывала время его славы, и он не хочет переодеться, так, как
многие желают умереть в венчальном платье. Тогда ему еще нужны были стены для
защиты от врага; счастливое время; на что теперь эти стены, эти башни? Враг
умеет их миновать, умеет везде найти свою жертву; и не в твоих ли оградах лежит
юноша, который так иного жил в своей короткой жизни? Тогда враг являлся в виде
вооруженного Савла - можно было ждать обращения, теперь в виде Иуды - одна
надежда на самоубийство.

Возвратившись в мою горницу, я вспомнил всю блестящую эпоху монастырей; живо
представились мне эти люди с пламенной фантазией и огненным сердцем, которые
проводили всю жизнь гимном богу, которых обнаженные ноги скользили знойными
песками Палестины и примерзали к льдам Скандинавии. Эта жизнь для идеи, жизнь
для водружения креста, для искупления человека казалась мне высшим выражением
общественности - ее нет более, и она невозможна теперь. Тогда были века, умевшие
веровать, умевшие понимать власть идеи, умевшие покоряться, умевшие молиться в
храме и умевшие воздвигать храмы. Великая кисть художника увековечила на стенах
Ватикана торжественную минуту силы идей - раб рабов божиих отирает сандалии свои
об венчанное чено Цезаря... И тут же, казалось, я слышал свист и смех, с которым
встретило XIX столетие религиозное направление.

Забудемте, ради бога забудемте наш век, перенесемтесь в эти времена тихого
созерцания, в эти времена неба на земле [Легенда, предлагаемая здесь, находится
в "Житии святых" за сентябрь месяц.

Для чего же я переписал ее? Гёте говорит: "Nun erzählte die Gesellschaft dem
Wunsche gefällig Jene Legende... Hier lernte man das eigentliche Wesen der Sage
kennen, wenn sie von Mund zu Mund, von Ohr zu Ohr wandelt. Widersprüche kamen
nicht vor, aber unendliche Unterschiede, welche daher entspringen mochten, daß
jedes Gemüt einen anderen Anteil an der Begebenheit, genommen" ("Sanct-Rochus
Fest zu Bingen, 23 Apr. LXVIII B"). ("Присутствующие принялись рассказывать эту
легенду, идя навстречу пожеланию... Стало понятным подлинное существо легенды,
которая переходит из уст в уста, от одного к другому. Противоречий не было, зато
бесконечные варианты, которые, по-видимому, обязаны своим происхождением тому,
что чувство каждого по-разному проявляло свое участие к событию" ("Праздник
святого Роха в Бингене, 23 апр., LXVIII Б" - нем.). Метафраст писал мартиолог
при Константине Багрянородном; теперь XIX столетие. - Примеч. автора.]. II Аминь
глаголю тебе, днесь со мною будеши в рай. Лука, гл. XXIII, ст. 43 Юноша в
простой одежде вышел из городских ворот Александрии и скорыми шагами пробегал
Некрополис, не обращая ни малейшего внимания ни на дивные пещеры, иссеченные в
камне, ни на дивные картины, покрывавшие их стены. Эта невнимательность отнюдь
не происходила от одной привычки, приучающей человека без удивления смотреть на
все, но оттого, что он был занят какою-то мыслию, которая ревниво отталкивала
весь мир. Сильные страсти боролись на его лице, мертвая бледность покрывала
щеки, иногда слеза тихо скатывалась, и он не замечал ее. Белое лицо его было
чрезвычайно нежно, и, когда он отбрасывал рукою кудри, падавшие ему в глаза, его
можно было принять за деву; большие черные глаза выражали особое чувство грусти
и задумчивости, которое видим в юных лицах жителей Юга и Востока, столь не
циохое на мечтательность в очах северных дев; тут - небесное, там - рай и ад
чувственности. Во взорах юноши проглядывал фанатизм, что-то
восторженно-религиозное, принадлежащее его родине, колыбели христианского
аскетизма и кенобития отшельников фиваидских, где самое умерщвление страстей
превратилось в страсть.

Удалившись несколько от города, юноша остановился, долго слушал исчезающий,
раздробленный голос города и величественный, единый голос моря [Le Seigneur Mele
éternellement dans un fatal hymen Le chant de la nature au cri du genre humain.
V. Hugo. (Господь вечно сливаает в роковом супружестве песнь природы с криком
рода человеческого. В. Гюго франц.)]... Потом, как будто укрепленный этой
симфонией, остановил свой влажный взор на едва виднеющейся Александрии.

Александрия - Греция, возвратившаяся в Египет, памятник славы сына Юпитера
Амона, надгробный памятник Клеопатры, - засыпала в золотой пыли, в тумане света
и жара. Усталое солнце томно погружало лицо свое в средиземные волны, раскаляя
длинную полосу на море, которое готово было вспыхнуть, Несколько забытых,
опоздалых лучей солнца играли на крестах храмов христианских; Александрия была
тогда поклонница Христова, придавая чистой религии его свои неоплатонические
оттенки и свою мистическую теургию Прокла и Аполлония.

Уже храм Сераписа, Кёльнский собор мира языческого, с своими сводами, галереями,
портиками, бесчисленными колоннадами, мраморными стенами, покрытыми золотом,
давно был разрушен, и колоссальная статуя Сераписа, на челе которой
останавливался луч солнечный, не смея миновать его, была разбита и превращена в
пепел. Но Александрия, еще сильная и могущественная, не лишенная прелестей,
коими ее наделил Динократ, прелестей, коими нарядила ее Клеопатра, наряжая себя,

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
пышно и сладострастно смотрела на юношу, не предвидя, что скоро превратится в
Искандери аравов.

Грустен был взор юноши, он говорил: "Мы расстаемся, я более не гражданин
твой..." Но ему было жаль Александрии, тут он узнал жизнь, тут он любил, тут,
может быть, был любим, тут... Но какое-то страшное воспоминание пролетело по
лицу юноши, какое-то угрывение совести, и он, обратясь к востоку, бросился на
колени, и горячие слезы раскаяния сопровождали молитву его; она была без слов,
без мыслей, может быть; но она была истинна и глубока, мысли и слова отняли бы
всю духовность ее, так, как они ее отнимают у музыки.

Чиста и прелестна молитва невинности, как весеннее утро, как вода нагорного
потока, но в ней есть чувство собственного достоинства, требование награды. Дева
чистая называет себя невестою Христа - невестою того, которого Соломон называл
женихом церкви. Не такова молитва преступного, рыдающий, поверженный в прахе, он
алчет одного прощения, его молитва раздирает его душу; в ней вся его надежда и
вместе отчаяние; он чувствует свою недостойность, но чувствует и безмерную
благость бога; он боится, трепещет, уничтожает себя и возрождается, живет токмо
в нем, в искупителе рода человеческого. Сильна и пламенна молитва преступника,
как поток каленого металла, бросаемого из огнедышащего жерла к небу; и не для
грешника ли создана молитва? Праведному - гимн. "IIa" "Я пришел в дом твой, и ты
воды мне на ноги не дал, а она слезами облила мне ноги и волосами головы своей
отерла... А потому сказыва тебе:

прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много". Евангелие Окончив
свою молитву, юноша встал, прощальным взором поцеловал Александрию и пошел
далее; темнело, и он, углубляясь в плоскую даль пустыни, едва был виден и исчез
наконец...

На другой день проходил он к вечеру дикое и пустынное место и, казалось, еще не
отдыхал; шаги сделались тише, дыхание тяжелее; в темноте можно было разглядеть
массу еще темнейшую, которая грубо и тяжело вырезывалась на небосклоне; увидев
ее, юноша собрал последние силы, удвоил шаги и вскоре подошел к каменной ограде
- вороты были заперты. Несколько раз подымал он руку, чтобы постучаться в окошко
привратника; но рука не поднималась, - видно было, что поступок, им
предпринимаемый, слишком изменял всю жизнь его, слишком глубоким оврагом
отрезывал все прошедшее от всего будущего.

Раскаяние, негодование на свою слабость показались на его чертах, и он коснулся
до окна, трепет пробежал по его членам; казалось, что стучат у него в сердце, и
седая голова привратника два раза повторяла уже свое приветствие сонными устами
и спрашивала о причине позднего прихода, прежде нежели юноша вымолвил: "Отец
мой, иди к игумну, скажи, что у ворот стоит презренный грешник, что он умоляет
принять его в монастырь, что он пришел обмыть ваши святые ноги и работать и
трудиться". Седая голова исчезла, слова какой-то молитвы коснулись ушей юноши,
потом послышались тихие шаги, которые звучали по камню, потом все умерло и
ничего не было слышно. Каждый шаг чувствовал юноша в своей груди - он делал его
на поприще, им избранном, - и мысль, к которой он давно приготовлялся, теперь,
казалось, была слишком сильна для его груди. Не так ли трепещет человек, ведя к
алтарю свою возлюбленную?

Юноша бросился на большой камень; волнение его утишалось, высокое чувство веры
восходило, подобно солнцу, из возмущенных волн, освещая их, согревая, передавая
им свой свет. Он отрещался от мира земного, он слышал глас Иисуса, призывающий
его туда, в обитель любви и надежды, туда, где поют бога чистые ангелы, где души
праведных его видят, где между ними и покаявшимися грешниками... Долго сидел он
неподвижен, склоняя голову на обе руки, по коим рассыпалась его кудри, и в это
время он, казалось, гармонировал и с мертвою тишиной пустыни, и с мрачною
недвижностью монастыря, и с сухими, печальными растениями берегов Африки, и
всего более с своею родиною - Египтом, который однажды жил, остановился на своих
обелисках и пирамидах и стоит с замершей на устах немою речью иероглифов.

Проходят часы; нет привратника. По временам пронзительный вой шакала раздается
протяжно и длинно, не встречая препятствий, подобно голосу военной трубы; он
ищет жертв и вторит, не находя ее. Юноша ничего не замечал; но вот вблизи его
быстрыми скачками, едва дотрогиваясь до земли, пронесся барс, *londa leggiera*
[легкий барс (итал.)]. Юноша содрогнулся, и немое гнетущее чувство одиночества
овладело им. Ужасно чувство, с которым человек видит, что он оставлен всем
светом, когда он невольно обращает умоляющий взор вокруг себя, зная, что никто
не подаст ему помощи, и когда взор его встречает вместо спасителя ярящиеся волны
океана, улыбающийся взгляд инквизитора или взгляд без выражения палача. Первое
движение юноши было бежать; куда? - он сам не знал, но вера в провидение
остановила его. Он осенил себя крестом и спокойно сел на свой камень. Христианин
победил человека. - Ночь прошла, зарделся восток, но привратник не являлся.

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Ужели он не исполнил просьбы юноши, ужели игумен не спешит утешить страждущего сына? III две любви создали две веси: любовь к себе до презрения бога - весь земную, любовь бога до презрения себя - весь небесную. Св. Августин В бедной келье, сложенной из огромных камней, при скромном свете треножной лампы, на большом четырехугольном куске гранита сидел монах, лет за пятьдесят; перед ним лежал развернутый свиток Августина; одна рука поддерживала голову, покрытую черными волосами, перемешавшимися с сединою, другой он придерживал свиток. Лицо его было бледно и желто; глубокие морщины на лбу и пламенные глаза показывали, что в душе его горели страсти сильные и что доселе они не потухли. Резкое лицо и более строгое, нежели кроткое, могло показаться холодным с первого взгляда - но только с первого.

Он родился в Антиохии, и судьба готовила ему с ранних лет путь, особый от пути, по которому она гуртом толкает людей. Он не знал любви матери, ни ее нежной ласки, от которой мягчится сердце; родившись, был он убийцею ее. У него не было ни сестер, ни братьев. Отец, погруженный в торговые обороты, богатый и надменный, редко живший в Антиохии, был для него посторонний. Словом, узы родства, тысячью цепями привязывающие человека к домашней жизни, к маленькому кругу действий, ему никогда не были известны. Сильная, огненная душа юноши, от природы чувствительная и возвышенная, жаждала симпатии, любви и находила один холод действительного мира.

Мрачность черными струями разливалась по его характеру, он стал скрытен, задумчив, искал отрады в чтении поэтов Греции и не находил ее: светлое, яркое небо Эллады, высокое чувство красоты и ее красота ваятельная худо согласовались с его большой душой. Страшно жжет душу огонь ее, когда нет отверстий, куда бы он вылился, когда нет веры, которая одна может обратить его к небу, когда нет любви, которая одна может благотворным сделать пламя его. - Долго блуждал он, не приставая никуда и терзая свою душу потребностями, которым не находил удовлетворения; перебегая от предмета к предмету, попал на христианских писателей. Здесь ему раскрылся новый мир, исполненный обширности, глубины и силы. Одаренный восточной фантазией, он увлекся африканским красноречием Оригена и Тертуллиана; наполнилась пустота в душе, сильная вера очистила огонь, ее пожиравший. Но что более поразило его - это самые христиане, деятельность их для развития идеи, беспредельная вера в нее и чистое, святое самоотвержение. Надобно вспомнить, что тогда было время великой борьбы против арианизма, никогда рвение христианских учителей не было обширнее. Весь мир участвовал в спорах, и гонцы спешили по всему миру передавать мысль Августина, слово Афанасия. Эта деятельность с колоссальной целью пересоздать общество человеческое, пересоздать самого человека, возвратить его Богу и через него всю природу, опираемая на божественное основание евангелия, волновала юношескую душу; он увидел, что нашел свое призвание, заглушил все страсти, питал одну, поклялся сделать из души своей храм Христу, то есть храм человечеству, участвовать в апостольском послании христиан - и сдержал слово. В груди сильной может быть одна страсть! Его ничто не привязывало ни к родительскому дому, ни к родине. Девятнадцати лет бежал он в Грецию.

Много лет провел в кельях учителей, собирая манну их слов, учась их примером и утешая их строгостью своих нравов. Наконец учителя признали его силу, благословили его и велели идти, проповедуя слово божие. Мечтая о начале божественного Сиона, явился он к людям, и человечество представилось ему худшую частью своею - Византию. Византия, которой гниение началось вместе со славою, развратная, гнусная, должна была ужаснуть юношу. С негодованием видел он, что христианство там ограничивается одними пренятиями без веры, что оно так же не идет к Византии, как статуя, которую Константос хотел туда перевезти из Рима и за которую боялся Гормисдас, что ей будет - тесно. Противоположность чистых, высоких учителей, простиравших руку всем слабым и труждающимся и часто отнимавших ее от сильных и богатых, с миром, погрузившимся в пороки, с которых спала даже завеса стыда, заживо разлагающимся, сделала его несправедливым.

Он видел одно целое, хорошее, неповрежденное в мире - духовенство; ему хотел бы он отдать и венец и порфирию, в нем полагал все свои надежды, в его апостольском призвании видел возможность спасти людей и обратить их. Он оставил Визанию - Рим, разрушающий Аларион, страшил его; он не знал, что там нашел бы зародыш исполнения своей мысли, - и удалился в пустыню Фиваидскую. Здесь, среди аскетизма и восторженности, среди людей, избранных Богом, еще больше окреп его характер и еще больше возгнушался он миром. Первое желание, явившееся в груди его, было удаление в пустыню, в которой бы можно было забыть все и помнить одного Христа; но это худо согласовалось с мыслию распространения слова божия. Не отдельность нужна для развития идеи, а совокупность.

Он возвратился на родину, роздал бедным богатое наследство свое и вступил в Октодекадский монастырь. Вскоре братия его избрала игуменом, и он был пастырь

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
строгий, поучая примером, наказывая всякую слабость, отрезывая более и более монахов от мира. Монастырский чин и устройство христианского духовенства явило дивный пример согласования двух идей, по-видимому враждующих, - иерархии и равенства, - в то время как политическая история человечества показывает одно беспрерывное стремление к этому согласованию, стремление несчастное, ибо способы употребляемые бедны и мелки; имея такой пример перед глазами, люди не умели понять его...

Вот к этому монаху поздно ночью отворил дверь привратник; сперва он постучал в нее, но, не слыша ответа и думая, что игумен спит, он вошел в келью. Игумен, не замечая его, продолжал чтение; он был в восторге, глаза его горели юношеским пламенем; в лице было столько торжественности, что казалось, оно распространяет лучезарный свет и что ему, как Моисею, нужно покрывало. Красота восторга лучше всех красот человеческих, ибо тогда человек перестает быть земным и начинает быть небесным; для нее не нужно ни юности, ни украшений. Наконец он поднял голову и увидел пришедшего.

"У ворот, святой отец, - сказал привратник, благословленный игумном, стоит юноша, просит, чтоб ты принял его в монастырь; он печален, слезы льются из его очей, говорит о какомто преступлении. Прикажешь ли пустить его?" Игумен молчал, черты его изменялись, теряли свою торжественность и превращались в холодное, недоверчивое и строгое выражение, с которым он смотрел на несовершенный мир; но душа его отстала - она еще не пришла в обыкновенное положение. "Юноша, - говорил он сам с собою, - прелестное время... тогда рождаются высокие мысли; где-то теперь друг моей юности?.." И воспоминание чего-то давно прошедшего навертывалось в уме его и манило к себе; но он был царем души своей, остановил порыв и продолжал: "Минутная злоба на мир, мечтаемое отчаяние, которое так любят юноши, - вот что их гонит, а пуще всего гордость. Гордость - ею владеет наш враг; всякое преступление скорее гордости искупится. Не уничтожить себя в Христе хотят они, а возвыситься над другими". Все это говорил он вполслуха, потом, обращаясь к привратнику: "Старик, поди и ляг спать; ответа не давай ему, не выходи до утра; ежели останется, ежели смиренno перенесет это унижение - тогда увидим". - "А дикие звери?" - заметил с жалостным видом старик. "Они не растерзали Даниила в пещере львиной". - "Но холод ночи?" "Вседержитель умеет хранить избранных; сын мой, да будет на тебе благословение божие!" Привратник вышел, а игумен, развлеченный его приходом, принялся за свиток; но чтение не шло вперед; то трещала светильня лампы, то горела очень тускло, и он должен был прерываться и поправлять. Но это происходило от другой причины: его занимал юноша; как искренно, горячо желалось ему, чтоб он перенес унижение, чтоб остался верен избранному поприщу: тогда он перельет в него всю душу; ему нужен чистый, юный человек. И бог знает, какие надежды он строил на нем... но еще искус его не должен был кончиться одною ночью, нет, скорее он лишился бы остальных братии, нежели в одной йоте избавить пришельца от целого ряда трудов и унижений. IV Шедше убо, научите вся языки, крестьяще их во имя отца, и сына, и святаго духа. Матф., гл. XXVIII, ст. 19 О сем разумеют вси, яко мои ученицы

есте, аще любовь имате между собою. Иоанн, гл. XIII, ст. 35 Солнце уже склонялось к западу, пышная природа Юга была во всей красе своего вечного лета, когда в длинной платановой аллее, обвитой каменною оградой монастыря, показался игумен с юным другом своим, феодором; уже неоднократно изливал он долго страдавшую душу свою в этот чистый сосуд, сосуд церковный, божий. Старец радовался, найдя человека, который так вполне понимает его; в сотый раз повествовал он ему свою жизнь и свои надежды, и в сотый раз с умилением и благодарностию слушал юношу. Они сели на простой скамье, отененной широкими листьями пальмы; каленый воздух наносил дивный запах алоэ и лимонных деревьев. Огромные цветы магнолии, прощаясь с солнцем, хвастались своими красивыми венчиками. Ручные антилопы спокойно щипали траву, пунцовые ориксы и зеленые голуби перелетали с ветки на ветку. Старик, казалось, помолодел и таким образом продолжал свой разговор:

- Что может быть выше призыва апостольского?.. С живым словом в душе, с пламенною верой, с пламенной любовью ко всему человечеству и к каждому человеку идет он в общество людей. Для их блага переносит гонения и страдания; в их души, не отверстые истине, зароняет слово веры - и какое наслаждение, когда слово не погибнет - разовьется. Сильно живое слово, ничто не остановит его; тщетно земной человек противодействует своему спасению. Оно увлечет его.

Посмотри, как человек усиливается воздвигнуть башню Вавилонскую и как не может ничего сделать. Рим, тверднейший столп храма земного, сильнейшее проявление человека Адамова, последняя твердыня его, - разве не носил зародыш своей гибели в самом развитии своем? Борение составляло его жизнь, ибо борение назначено в удел Адаму - пот, и пот кровавый. Но как во Адаме все умирают, так во Христе все оживут. Господь примиряет с собою человека, и чем же? - Он снисшел до человека,

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
чтоб человека возвысить до бога.

Море благости и милосердия, он не хочет прямо простить человека: это уронило бы падшего, греховного; он дает ему самому средство искупления в Христе [Это мысль Данте. - Примеч. автора]. И Христос, единый правый, страдает за всех виновных. Весь земная падает, весь небесная создается. Что за торжественный день для мира, когда он огласился в первый раз евангелием! Мир, истерзанный войною, услышал слово мира, мир попранный слово свободы, мир ненависти - слово любви, мир неверия - слово веры. Всем говорило евангелие; исчезли племена и состояния, фарисей и саддукей отвергнуты, эллин и иудей приняты; всех манило оно в лоно божье, всех в объятия братства - первый Адам стал душою живущей, последний Адам есть дух животворящий. - И чтобы человек остался безответен гласу апостольскому? Никогда! Никогда!

Нет, слишком мрачно смотрел любимец Его с Патмоса, когда, увлеченный своим восторгом, он писал огненные строки Откровения. Сион божий, весь Христова еще здесь, на сем мире, осуществляется, она уже началась и вспять идти не может. "Се дах пред тобою двери отверсты и никто же может затворити их" ... Пал Вавилон, пал Вавилон и не воскреснет более; пал великий город, облеченный в виссон, и порфиру, и багряницу, украшенный златом и камнями, и плачут о нем купцы, издали всматриваясь в развалины города, где они торговали и миррой, и фимиамом, и конями, и телами, и душами человеческими. Силен враг, живущий в развалинах, но он побежден, и мир, как Савл, сделается из гонителя апостолом, из воина крови воином Христовым. - Понятны мне грустные звуки, вырывающиеся из души Иоанна; его пламенный нрав не умел ждать; но не прав он; разве не при нем уже началась битва, на которую ангел звал вранов пожирать трупы сильных, и он, некогда склонявший главу на грудь Его, уже видел потрясенный Рим - словом евангелия? И кто же потрясли его? Эти гонимые, униженные, отреби миру, скитающиеся, нагие, в то время как о силу его раздробились народы всей земли. Оттого что голос их был голос бога, голос человечества, оттого что они душою предали себя Христу и своему призванию. Этого голоса не сковали темницы, не казнили секиры, не растерзали тигры.

Что против этой любви и веры могли легионы, и патриции, и цезари? Эти люди веры были сильнее сильных мира сего, которые с улыбкою презрения говорили о назарянах. "Ничего не имея, - по словам Павла, - и всем обладая".

Сын мой, несмотря на то, что я горько обманулся в людях, я убежден в скором утверждении царства Христова. Священные минуты, когда явилась мне впервые мысль этого Снопа, когда я прозрел ее в евангелии, когда так близко казалось мне осуществление ее... Настал для человечества день исходления из Египта. Труден путь: и степа, и голод, и жар; но снова разделит Иегова нам Чермное море и введет в землю обетованную. Мы, может, погибнем в пути, но они перейдут - не достаточно ли одной этой мысли, чтоб с сладкою надеждою явиться пред судибою, исполнив долг свой? - Долго нам еще странствовать, и ужасно теперичное состояние. Гонения остановились, но слабые пали духом. Христиане сделались хуже язычников.

Где эта семья, у которой было одно сердце, одна душа, где собственности не было, а было все общее, как говорит Лука?

Где братство, в котором были и невежды, и ремесленники, и пахари, и старые женщины и из коих выбирались вожди церкви Христовой, и какие вожди? - Но не будем сетовать, пускай смердят и разлагаются остатки древнего мира; не из развалин его построится Сион, они нечисты. - Ежели б ты знал, что такое Византия... Грехи ее дошли до неба, и бог воспомянул неправды ее; на ней совершится громовое пророчество Исаии, она будет рабою иноплеменников. И там, в этой-то Византии, я видел великих светильников церкви; духовенство отделилось от мирян, и в нем сохраняется весь Христова; оно-то собиралось в Никее, в этот великий день веры оно не простило Константина, облитого тройною кровью - сына, племянника и жены. Да, среди пустынь, за стенами монастырей, возрастет слово Христово: "И свет во тьме светит, и тьма его не объяла", - и оттуда пересодится на открытое поле, когда из него исторгнутся плевелы. - Догнавайте же, остатки Вавилона, снедаемые собственными пороками, гибните в сладострастии и сребролюбии, гибните в гнусных, позорных руках евнухов и женщин.

- Неужели, отец мой, ты рядом ставишь женщин с этими полулюдьми? спросил юноша.
- Нет, но, - сказал игумен, строго взглянув на Феодора, - но бойся женщин; их красота - красота Авадонны.

- Но красота от бога и есть проявление его, говорит Августин, который сам любил.

- Горе тебе, ежели ты только нашел в Августине, - возразил старец. Далила, обрезывающая власы Самсона, - вот образ всех женщин. Вспомни, что Сирах боялся их, как ядовитых скорпионов, более, нежели тигра и дракона. Их слабые души, их

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
изнеженные тела привязывают к земле; не имея сил, они коварны; не имея
возможности подняться, они держат нас, как жена Потифара, за край одежды.
Женщина требовала главу Иоанна, женщина была первая преступница в обществе
апостольском... но отчего же ты огорчился, Феодор? Но я знаю тебя... наш
разговор зашел далеко, пора готовиться к девятому часу... Верь мне, юноша:
скуделен сосуд этот, и гибельна красота его. Благословим память Марка,
основавшего в твоей родине жизнь монастырскую. Здесь мы можем работать для
человечества, и ничто не отвлечет нас. Семья Иисуса были его ученики, семья наша
- братия.

Игумен кончил, встал и пошел по аллее. Юноша долго смотрел ему вслед и был
взволнован. "Женщина требовала главу Иоанна, - думал он, - но дева родила
Христа. Сирах..."

Сирах же говорит, что женщина добродетельная есть солнце, восходящее на небе
господнем, ясный светильник на церковном подсвечнике. И кто распял Его? И кто
стоял при кресте?

О, ты, ты один справедлив, Сын божий, ты простил даже преступную..." Но вдруг
лицо его вспыхнуло, слезы налились в глаза, и он воскликнул: "Ты прав, ты прав,
отец святой". У 15. За тем я вышла ранним утром из
дома, чтоб найти тебя, - и нашла.

16. Я ложе мое украсила цветными
коврами египетскими.

17. Я облила его миррою, алоэ и кинамонами.

18. Приди насладиться любовью. Соломон, Пр., гл. VII За несколько лет перед тем,
как игумен доказывал Сирахом, что женщины страшнее дракона, и Феодор оправдывал
их Сирахом, говоря, что они похожи на солнце, - опустел дом одного богатого
гражданина в Александрии. Этот гражданин был женат на прелестной египтянке,
любил ее, как африканец, - и она любила его, до тех пор пока не приехал в
Александрию греческий вельможа с сыном. Византийский юноша, прелестный собою, со
всю изысканностью нравов падающего царства, со всю привлекательностию ложного
просвещения, понравился египтянке; она изменила мужу, потом сделалась грустна,
задумчива; какая-то сокровенная мысль терзала ее; она не могла смотреть на
обманутого и оставила его. Тщетно искал он ее; никогда не было ни малейшей вести
о преступной. С того времени пышный дом его превратился в гроб, тоска снедала
сердце, растерзанное сомнениями; он не знал о измене и не понимал причину
бегства; худой, убитый, он больше походил на вызванного духа, нежели на
человека. Много лет прошли в печали и слезах, и как наиболее питают надежду
люди, не имеющие на нее никакого права, так и он ждал беспрерывно то ее
возвращения, то какого-нибудь известия и, не получая никакого, тем с большою
уверенностю хватался за всякую тень надежды.

И вот однажды снится ему сон, будто ангел господень, с вечно юным лицом, с
улыбкой на устах, летит с неба, летит прямо к нему, останавливает свой полет над
его головою, качается на дивных крыльях и, сказав: "Нынче у храма св. Петра",
летит наверх петь бога.

Он проснулся; сны иногда бывают так ярки, так выразительны, что нельзя им не
верить. Он добавил к словам ангела смысл, который хотел, поспешно оделся и
отправился к храму св. Петра. С ранней зарею сидел он уже на мраморных ступенях,
под колоннадою храма, осматривая каждого человека, как таможенный пристав.
Сначала прохожие были редки, потом целыми толпами двигались они по площади.
Житель стран полуденных не умеет сидеть дома; многие укрывались от солнечного
зноя под тем же порталом. Но где же она? Никто не обращал на него внимания,
никто не говорил с ним, и он пользовался этим уединением особого рода, которое
ощущает человек в толпе людей, когда не делит с ними ни их желаний, ни их
мыслей. Твердо полагаясь на глас божий, он ждал и ждал. - Кто-то ехал на ослище
в черном платье; он не спускал глаз с него; но это был монах. Июк подъезжал к
храму, слез с ослицы и, как бы пораженный неподвижностью сидящего, дрожащим
голосом сказал ему едва внятно: "добрый день, господин". Он не обратил на него
внимания, не его искал несчастный. Монах оставил ослицу и вошел в храм; потом
народ опять начал редеть, уходить; солнце садилось, ночь наступала, и отчаянный
муж, второй раз теряя свою жену, тихими шагами побрел домой. Через несколько
времени вышел монах, тотчас обратил глаза на место, где сидел несчастный, и, как
бы обрадованный его уходом, поспешно сел на свою ослицу, вздохнул,
перекрестился, еще раз вздохнул и поехал к городским воротам.

Было поздно; сильный ветер дул с взморья; черные тучи, окровавленные снизу
лучами солнца, роняли огромные капли теплой воды на растрескавшуюся землю.
Феодор, взволнованный встречею и боясь грозы, не хотел ехать далее и свернулся в
монастырь Энат, лежащий возле Александрии. Служитель божий, гражданин всего мира
христианского, в те времена везде находил отворенную дверь, и всюду приход его

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru считался счастием, тем паче в монастыре, куда приходили все бедные и тружающиеся дети церкви.

Вечерняя молитва началась. Феодор взошел в церковь и удалился в небольшое углубление, бывшее в стене; там, никем не зримый, хотел он принести свою молитву Искупителю. Тихое, стройное пение монахов едва было слышно, и тем невещественнее, тем неопределеннее, тем святое становилась песнь. Полузвуки согласовались с полумраком, в котором был погружен храм; своды, казалось, исчезли, стены — какими-то массами тумана; дым из кадильниц, виясь около изображений, придавал им таинственное движение. И шаги по каменному полу, и мелькание чёрной рясы, и ее шорох увеличивали торжественность, возможную только в храме божием и которую испытал всякий, с чистой душою входивший в церковь. Тем сильнее действовала она на мечтательного Феодора, — его можно было принять за изваяние; именно он, как статуя, выражал одно чувство — чувство молитвы. Иногда слабый вздох вырывался из пруди его, как будто он упрекал себя в чем-то, иногда и слеза навертивалась, но восторг все поглощал, соединяя все мысли в гимн. ...близ углубления, где был Феодор, стояла молодая женщина, прелестная собой, как те девы Востока, о которых пел Низами; сначала молилась и она; но вскоре молитва исчезла с уст ее; беспрерывно смотрела она на юношу; освещенный последним остатком света, окруженный мраком, Феодор казался ей чем-то принадлежащим нездешнему миру; она думала видеть архангела, принесшего благую весть деве иудейской... Огненная кровь египтянки пылала.

Окончилось вечернее моление. Феодор пошел к игумну, не обратив на нее ни малейшего внимания, сказал ему о причине приезда и просил дозволения переночевать. Игумен был рад и повел Феодора к себе... Первое лицо, встретившее их, была женщина, стоявшая близ Феодора, дочь игумна, который удалился от света, лишившись жены, и с которым был еще связан своею дочерью; она приехала гостить к отцу и собиралась вскоре возвратиться в небольшой городок близ Александрии, где жила у сестры своей матери.

В ленивой груди жителя Юга бывают минуты торжественные; в такую минуту он переживает все, что по мелочи испытает гиперборей. У него страсть рождается, подобно дочери Зевса, в полном вооружении. Зажженная однажды, она может гореть и жечь его до гроба. Его страсть любит до уничтожения предмета любви, пылает местью до уничтожения самого себя. Эта огненная масса, внезапно воспламеняющаяся и никогда не тухнущая. Египтянка любила Феодора пламенно, безвозвратно.

Бледные девы Севера не поверят этому; они не знают этого ада страостей, привыкнувшие к своим мечтам о духовном, о небе, то есть не о настоящем небе, а о том, которое они создали себе для бегства от скопой и туманной природы. Она с жадностью впитывала каждый взор его — но этот взор был обращен к небу; с жадностью слушала каждое слово — но это слово было о боге. "Любовь, — сказал он, — вот основание мира, и апостол говорит, что недостаточна вера, ежели нет любви". Но не о земной любви говорил юноша, о земной понимала дева.

Взошедши в келью, для него приготовленную, Феодор бросился на скучную постель из банановых листьев и не тушил еще лампы, как вдруг начала отворяться дверь и тихо-тихо взошла какая-то старуха с темным, загорелым лицом наших цыган, с впалыми щеками и неверным взглядом; украдкой окинув горницу, она сказала: "Служитель Христов, есть человек, нуждающийся в твоей помощи; не откажись идти за мною". Феодор молча встал и пошел за нею. Вышли на двор, все было темно; подошли к какой-то маленькой двери; старуха отворила ее; за нею еще мрачнее; пустила его вперед и исчезла; но не долго стоял Феодор — его взял кто-то за руку, и на этот раз не высохшая, костлявая, угловатая рука старухи, а нежная, мягкая, трепещущая ручка, горячая, как каленое железо. Прикосновение во мраке всегда наводит ужас, и Феодор содрогнулся. "Сюда", — прошептал едва внятный голос, и он смиленношел; небольшой переход оканчивался дверью; ее отворил его спутник, и в нем он узнал прелестную дочь игумна.

Полунагая, едва одетая легкой тканью, которая более обнаруживала ее красоту, нежели скрывала своими фантастическими драпами, трепещущая и огненная, стояла она перед ним, не смея ни поднять на него взора, ни оторвать его от пестрых цветов ковра, до которого чуть касались ее маленькие ножки.

Слезы катились из ее глаз, засыхая на разгоревшихся, воспаленных щеках.

— Странник, — сказала она, долго принуждая себя сказать то, о чем молчать ейказалось так трудно, — прости меня...

Странник, я люблю тебя... но, бога ради, не смейся надо мною... Я видела, как ты молился; твой вдохновенный взор, твое лицо, твой страстный взгляд не идут молитве; твоя душа пламенна, она не может удовлетвориться молитвой; ты обманываешь себя. Люби меня... может, тебе неизвестно это море блаженства, я тебе раскрою его, мы потонем в его волнах; я сожгу тебя моим поцелуем, я обовьюсь, как эфеу, около тебя, я умру, целуя тебя... И, говоря это, дева в самом деле тонула в океане страостей и, полумертвавшая, дрожащая, готова была

броситься в объятия юноши; но они не раскрылись. Спокоен и тих был взор Феодора; таким взором смотрит луна на бешеную Этну, пламенем раздирающую свою грудь.

- Дева, - сказал он ей, - благодаря судьбу, что ты это говоришь мне, отжившему для мира сего; я не воспользуюсь слабостью овцы гибнущей. Вспомни, что ты христианка. Я соединю свои молитвы с твоими, чтобы господь извел из тебя злого духа, губящего душу твою. Дева, и я был порочен, и я знаю, как слабы женщины... тем сильнее будет молитва моя, тем спасительнее тебе.

- Как, ты любил! - воскликнула она. - Ты любил! - и ревность к прошедшему взволновала ее грудь, в которой не было места и одной страсти. - Где она?.., но..., но, может, ее уж нет, может, она изменила, может, в ней не было этой бешеною страсти? О, я заменю ее, я свободна, как птица небесная; бежим в Грецию, там...

- Остановись, - сказал Феодор, и ланиты его показали, что он еще человек; но что их оцветило - любовь или воспоминание? - Я богу дал клятву, и ничто не сокрушит ее.

- Лицемер, деве дал ты клятву; обманщик, тебе ли носить монастырское платье? Да, это ясно; теперь все понимаю - но я умею мстить; ты видел, как необузданны страсти мои...

И неужели твое сердце до того принадлежит другой, что нет места для меня? Один час, одну минуту дай насладиться тобою, и я счастлива, и возьми после жизнь мою, на что мне она тогда; и в этой минуте я солью все, и рай позавидует мне. Ты смущен; нет, нет, эта грудь не из гранита!

И она бросила лампу на пол, и душистое масло струями разлилось по ковру, и светильня, вспыхивая, и потухая, и курясь, прожгла его... судорожная рука обвилась около юноши, дрожащие уста с своим огненным, сладострастным дыханием коснулись уст Феодора; тщетно хотел он вырваться.

- Нет, нет, ты мой, я тебя не пущу! - шептала она, целуя его.

Ясно и душно было утро, когда на ослице тихо подъезжал Феодор к Октодекадскому монастырю, везя елей для храма. Черты лица его, утомленные зноем, выражали опять то же спокойное, святое чувство, с которым он выехал за два дня из этой ограды. По временам взор его делался мечтательен, далеко устремлялся в пространное поле и, казалось, выпрашивал какого-нибудь предмета или искал кого-нибудь, но тотчас приходил он в свое всегдашнее положение. Молитва виднелась на устах, молитва во взоре, молитва в нем самом... и привратник, тот же старец, которого он ждал целую ночь, но еще старее, отворил ему вороты, и он опять въехал в этот тихий, умерший двор, где люди не измели зеленою травы, где одни черные рясы мелькали меж белых надгробных камней, где душистые лимоны и пышные смоковницы заслоняли одни черные рясы и белые надгробные камни. VI 17. И сказала ему: "Ерейский раб, которого ты привел в дом свой, хотел меня обесчестить..." 20. Тогда бросил он его в темницу...

21. Но господь был с ним. Моисей, кн. бытия, гл. 39 - Нет, это клевета, - сказал игумен Октодекадского монастыря, гнусная, черная клевета. - И тень сомнения уже прокралась на, его лицо, и он, казалось, разуверял себя более, нежели стоящего возле монаха.

- Но пояс, - возразил тот.

- Хорошо. Неси лобзание мира нашему брату и скажи, что я спрошу у обвиняемого, и да падет вся строгость на главу преступную.

Монах склонился и вышел. Лицо игумна было ужасно, жилы на висках налились кровью и бились; он был смущен, несмотря на свою обычную твердость, и не знал, верить ли или нет какому-то обвинению, и то укорял себя в сомнении, приискивая наказание виновному, то верил обвинению, приискивая доказательства к опровержению его; он то вставал и прохаживался, то садился; наконец, обращаясь к молодому монаху, сказал: "Позови брата Феодора и оставь его со мною наедине".

Тихая, аскетическая жизнь подняла так фантазию Феодора, так приучила его и созерцательности, что он целые часы проводил, мечтая то о прелестной жизни, которая готовится праведнику в обителях рая, то о сodelании всей земли одною паствою Христа, то погружался в созерцание бога и, долго теряясь в бесконечном, вдруг спускался на землю; и как хороша она ему казалась тогда, как ясно выражала Его и как понятно говорило и это ветвистое дерево, и эта пернатая птица! В такой-то созерцательной минуте был он, когда его позвали к игумну; это было так обыкновенно, что он, нисколько не удивясь, пошел к нему с светлым вдохновенным лицом, торопясь пересказать все, что чувствовал.

С холодным и важным видом встретил его игумен, пристально посмотрел на прелестного юношу и уже почти оправдал его в душе.

- Феодор, - сказал он, подавая письмо, - прочти его и скажи, правда ли?

Феодор стал читать письмо. Игумен остановил на нем испытующий взор, но юноша спокойно прочел и твердо сказал:

- Видит бог, что ложь.

- Твой ли это пояс?
  - Мой.
  - Где ты потерял его?
  - Не помню, святой отец; я хватился его, возвратясь из Александрии, уже дома.
  - Это пояс женский, - прибавил игумен, рассматривая.
  - Я с ним пришел семь лет тому назад, - ответил Феодор не совсем верным голосом и наклоняя голову, чтобы скрыть пурпур, покрывший щеки его.
- Игумен не заметил. Туча пронеслась.
- Я был уверен в твоей невинности, сын мой; нет, ты не мог так пасть, бог не дает порочному такой души; тебя избрал он в свое воинство, - и игумен обнял его, и тронутый Феодор рыдала целовал в плечо старика.

Но через несколько месяцев опять явились монахи энатские; они принесли с собою младенца, бросили его середь двора и с злобной усмешкой сказали: "Братия, ваше дело вскорить чадо порочной жизни вашей!" Обиженная братия требовала, чтоб назвали виновного, - ей отвечали именем Феодора. - Никто не верил, все просили игумна, чтоб он допросил виновного, и игумен, непоколебимый в своей доверенности, спокойно сказал: "Судите его сами", твердо убежденный, что одно слово, один вид Феодора будет полным оправданием. Он втайне даже радовался торжеству своего друга. Призвали Феодора. Игумен ждал с нетерпением оправдания, ободрял его взглядом, улыбкой; и каково же было удивление старика, когда Феодор, преклоняя колена, трепещущий, прерывающимся голосом от слез едва произнес: "Прости, отец святой, прости... я обманул тебя, ужасно обманул". Старец был притоптан к земле, не мог поднять глаз, ни вымолвить слова; пятна вышли на его лице, рука перестала перебирать четки и судорожно дрожала.

Наконец, гордо взглянув на братию, он сказал повелительным голосом: "Изгнать презренного обманщика из монастыря, он пятнает нас". И озлобленная братия, униженная поступком Феодора, осыпала его насмешками и бранью; даже несколько камней полетело в юношу; все волновалось и кричало; один обвиненный стоял спокойно; минута волнения прошла, - это был прежний Феодор, то же вдохновенное лицо, и ясно обращался его взор на братию и к небу; и когда игумен, боясь тронуться его видом, спросил: "Чего же медлите вы?" - тогда Феодор возвел очи к небу, говоря: "Господь, теперь я вижу, что ты обратился ко мне, что грешная молитва дошла до подножия твоего". Потом упал он ниц пред игумном и сказал: "Не прощенья молю я, но молись о душе преступной, которая никогда не забудет тебя..." Слезы не дозволили ему продолжать...

"Молитесь и вы, братия", - прибавил он, вставая и низко кланяясь им. Наконец подошел к ребенку, взял его на руки, поцеловал и с видом искренней любви сказал ему: "Не плачь, дитя, не плачь". Долее не мог вытерпеть игумен; он чувствовал, что слезы готовы брызнуть из глаз; он встал и пошел в келью.

Взошедши в нее, раздраженный и недовольный собою, сел к окну и смотрел, как монахи вели Феодора к воротам, наперевес осыпая бранью, как вытолкнули его; все было к Феодору немилосердно, даже старый привратник ударил его тростью. Феодор терпел все, защищая ребенка и как будто взором говоря: "Онто чем виноват?"

"Так я никогда не был обманут, - думал игумен. - Это - искушение дьявола... Но как добр, как восторжен он был сначала и все семь лет! Я его любил, как сына, более, нежели как сына... Но как же он читал письмо так спокойно? Надобно быть очень порочну, чтоб скрывать пороки. Его погубила, увлекла эта женщина, а он еще защищал их, порождение ехидны, лишившее рая первого человека... И в самое то время, как он признавался, в моем сердце кричал голос: "Он невинен!"

Никогда не надобно доверяться этому голосу. А как он перенес стыд и наказание! Каким взором взглянул на меня!.. О Феодор, зачем ты пал? Ты мне был так необходим; кто заменит тебя?..

Но не стыдно ли жалеть о нем? Старик, вот плоды твоей опытности, мальчишка обманул тебя. - И он смеялся судорожным смехом. - Не прав ли я был, сомневаясь принять его в монастырь?" Тут он остановился, - эта мысль мирила его с собою, - и начал думать не о Феодоре, но о новых искусах для приходящих. Ужасно хоронить друга; но еще ужаснее видеть свою ошибку в человеке, с которым делил душу, помыслы, это - кусок мяса, оторванный от сердца, горячий, кровавый. Игумен после этого происшествия сделался еще мрачнее, не велел при себе поминать бывшего друга, старался стереть его в памяти - и не мог забыть.

Между тем несчастный Феодор, опозоренный, униженный, изгнанный, был встречен людьми, которые слышали о его вине и ругались над ним еще злее монахов.

Посредственность до того ненавидит все высшее, что для нее торжество всякое падение; сверх того, она воображает, что, бросая камень в виновного, закроет свои пороки. - Яростными голосами кричала толпа: "Где же сын живого мертвца, отказавшегося от земли?" Феодор вынимал младенца из мантии и говорил: "Вот он"; но в этом не была видна дерзость злодея, который нагло показывает клеймо

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
варнака, но какое-то самоотверженное чувство своего преступления; казалось, он
просил их наказать себя и был готов все перенести.

У Феодора не было ничего; бедность грозила ему своими худыми руками, посиневшими
от стужи, иссохшими от голода; никто не подавал ему милостыни; на последние
деньги купил он молока младенцу, сам питался кореньями и морскими раковинами...
"И хождаше по пустыне скитался, очерне же плоть от зимы и зноя, и очи потемнеша
от горького плача, и живяша со зверьми", этими словами описывает мартиролог его
жизнь. VII Простри длани твоя и приими душу

мою, юже в жертву принесох любви

ради твое я. Житие св. Екатерины у гроба Феодорова сидел грустный игумен - и с
ним тот самый Александриец, который так усердно ждал свою жену у храма Петра.
Александриец плакал, игумен молился; никто не прерывал тишины - она продолжалась
некоторое время. Но вдруг отворилась дверь, и взошел игумен энатский с монахом,
которого он присыпал обвинять Феодора. Тело усопшего было покрыто; игумен
Октодекадского монастыря открыл голову и спросил своего собрата - это ли Феодор?

- Он самый, - отвечал тот.

- Обесчестивший у нас девицу, - прибавил монах.

С горькой улыбкой отдернул игумен покрывало и указал женские перси.

- Это жена его, Феодора, - сказал он, указывая на Александрийца.

- Воплощенный ангел! Прости мне, что я, слабый грешник, не постиг твоего величия, и моли у всевышнего, да отпустятся мне грехи мои...

Старик залился слезами и склонил голову свою к покойнице. Небесная улыбка видна была на холодных устах, которые, казалось, хотели открыться еще раз для того, чтобы сказать игу мну:

"Я прощаю тебя". ...И написующе тое неточие на хартиях,

но и в сердцах ваших, прости

рахуся к подвигам великим

и благоугождаху

богу. Крутицкие казармы,

1835 года февраль.

(Переписано в Вятке, 1836 г., марта 12) А. И. ГЕРЦЕН Все произведения печатаются по изданию: Герцен А. И. Собрание сочинений:

в 30-ти т. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Легенда С. 274.

Сестра Наташа - Захарьина Н. А. (1822 - 1852) - дальняя родственница А. И. Герцена, впоследствии - его жена.

С. 275. Друзья - группа кристаллов, наросших на общее основание.

С. 276. ...юноша, который так много жил в своей короткой жизни? - Речь идет о поэте Д. В. Веневитинове (1805 - 1827), первоначально похороненном на кладбище Симонова монастыря.

Савл (I в. н. э.) - языческое имя апостола Павла, который был прежде жестоким гонителем христиан, затем сам обратился в христианство и стал самым крупным проповедником этого вероучения.

С. 277. Мартиролог - в христианской церковной литературе сборник повествований о мучениках и святых. В X в. Симеон Метафраст по поручению императора Константина VII Багрянородного составил "Жития святых", пересказав посвоему древние предания.

Некрополис - кладбище.

...кенобития отшельников фиваидских... - Согласно преданиям христианской церкви, первые монастыри-кенобитии были основаны в IV в. в Верхнем Египте, недалеко от Фив.

С. 278. Аммон - в Древнем Египте бог солнца.

Неоплатонизм - идеалистическое направление античной философии III - VI вв.

Теургия - вид магии, который якобы позволяет подчинять себе божественные силы.

Прокл (412 - 485) - древнегреческий философ-неоплатоник.

Аполлоний Тианский (I в. н. э.) - древнегреческий философ, последователь пифагореизма.

Серапис - бог - покровитель столицы Древнего Египта - Александрии.

С. 281. Арианизм - религиозное учение в христианстве IV в., отрицавшее учение о троице - главном положении официальной христианской церкви.

С. 282 Аларик (ок. 370 - 410) - король вестготов; в 410 г. захватил и разграбил Рим.

С. 285. ...Фарисей и саддукей отвергнуты, эллин и иудей приняты... Одно из основных положений христианства, означающее, что нет народов угодных или неугодных Богу, что все народы любого вероисповедания перед Ним равны.

С. 286. Авадонна - в иудаистической мифологии ангел смерти и разрушения.

Легенда. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!